

18+

Гозалия Степанчук

Послание ПОТОМКАМ

Розалия Степанчук
Послание потомкам

«Издательские решения»

Степанчук Р.

Послание потомкам / Р. Степанчук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908217-6

Книга о детстве и юности автора, которые пришлись на военные и послевоенные годы. В сборник также вошли «Размышления о старости». Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-908217-6

© Степанчук Р.
© Издательские решения

Содержание

Эвакуация	10
Черногорск	11
Переезд	15
Боровичи	17
Новая жизнь	18
Дом на улице Александра Невского	20
Студенчество Виктора. Славик	22
В поисках еды. Баня	24
Особенности быта, 1947—50	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Послание потомкам

Розалия Степанчук

Дорогие мои дети, внуки и правнуки! Все, кто захочет прочитать эти строки. Это моё послание к вам о моём военном детстве и послевоенной юности, о наших с вами родных и близких, о тех, кто жил рядом со мной и до меня и вынес на своих плечах все тяготы дней, опущенных им Богом. Эти люди – ваши корни и корни последующих поколений. Вам и вашим потомкам передали они стойкость и мужество, которые и вам, возможно, пригодятся в будущем, учитывая современную ситуацию в мире.

© Розалия Степанчук, 2019

ISBN 978-5-4490-8217-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мои родители – Михайлов Николай Иванович и Иванова Анна Андреевна поженились в мае 1941 года в г. Старая Русса Новгородской области.

Жениться в мае – плохая примета: будешь всю жизнь маяться. Но, молодость нетерпелива, и не желает верить ни в какие приметы. Отцу было 25, а маме 20, они поженились, свадьба была скромной, ведь оба они – выходцы из большой семьи – у мамы было 4 брата, у папы – сестра и 2 брата.

А через месяц началась война. Она разметала обе семьи, и разлучила навсегда моих родителей. Уходя на фронт, отец знал, что мама ждёт ребёнка, но не очень беспокоился, т.к. в то время все были уверены, что война ненадолго, не дольше финской, и скоро кончится. Папа говорил: «Ты пережди войну со своей матерью, я вернусь и тебя найду». Его мобилизовали осенью 1941 г, а в марте 1943 г он погиб во время авианалёта на станцию Касторная под Курском. С 1941 по 1943 г мои родители не имели никакой связи и ничего не знали о судьбе друг друга.

Папа находился в зоне непрерывных боёв, а маму в 1942 году эвакуировали, она в то время и сама не знала, куда попадёт. Папа так и не узнал, кто у него родился. И мы с ним друг друга так и не увидели. А было ему на ту пору, только 27 лет, как сейчас моему внуку Диме.

К февралю 1942г Старая Русса дважды переходила – от наших солдат к немцам. Во время оккупации жители скрывались в лесу. За это время бабушкин дом разбомбили, и они, Ивановы, нашли пустой дом на окраине города. Когда в город вошли наши войска, большую часть дома заняли под медсанбат.

Тяжёлые бои на подступах к Старой Руссе продолжались, город часто бомбили. Вот, там-то я и родилась: худая, как скелет, носатая и белобрысая, да и откуда было взяться здоровому младенцу, когда мама почти всю беременность постоянно находилась в стрессовой ситуации, ела – что придётся, и пряталась от бомбёжки и перестрелки. Роды принимал молодой военврач. Здесь и жила мама со своими родными до самой эвакуации. Кроме меня в семье был ещё младенец – сын маминого старшего брата Саши, ушедшего на фронт, – Володя, а с ним и его мать, тоже Анюта. Володе было 10 месяцев. У бабушки на руках оказались две молодые и неопытные матери, с младенцами и сын Виктор, мой дядя. Ему тогда только что исполнилось 12 лет.

Бабушка моя на тот период уже хлебнула лиха полной мерой. Она родилась 1 апреля 1895 года в крестьянской многодетной семье и была самой старшей из детей. Она пережила революцию – в 1917 году ей было 22 года, и она уже была замужем. Затем разруху, гражданскую

войну, коллективизацию, а как только она с детьми переехала из деревни к мужу, Иванову Андрею Степановичу, в Кронштадт, то вскоре оказалась женой «врага народа» и была выслана с пятью детьми в голую Казахстанскую степь. Из них одна дочь и четверо парнишек. Старшему, Саше -16 лет, маме моей – 14, Лёше – 11, Пете 9, Вите – 5 лет. Те ещё едоки! А она проучилась в школе полгода, жила в деревне, а значит, ни образования, ни профессии. А в Казахстане – ни пособий, ни пенсии, ни зарплаты. Она уходила из обжитого дома в Кронштадте навсегда, оставляя налаженный быт, почти всё своё имущество, родных и знакомых, не ведая о судьбе мужа, о своём будущем и будущем своих детей. Живи, как знаешь, и – никакой поддержки. И сколько ещё раз ей придётся пройти через это!

Но она выстояла, сохранила всех детей, не сломалась, не впадала в уныние или, как теперь говорят, в депрессию. Она работала, не покладая рук, и старшие дети ей помогали. Когда её выслали из Кронштадта, ей разрешили взять из дома только то, что она сможет унести в руках. У неё хватило мудрости взять перину, одеяло и швейную ручную машинку «Зингер». Это спасло всем им жизнь. Пока они добирались до места, дети спали все вместе на этой перине. А машинка «Зингер» кормила их: бабушка шила казашкам их национальную одежду за продукты. Более подробно этот период жизни описан в маминной книге «Воспоминание о прожитой жизни». Перед войной бабушка перебралась с детьми в Старую Руссу, небольшой курортный город в Новгородской области.

Жизнь стала налаживаться. Женился старший сын Саша, подросли Лёша и Петя, вышла замуж дочка, Витя стал подростком. И вот она, война, и вся беда ещё впереди. В начале

войны погибли двое её сыновей – самый старший, Саша и пятнадцатилетний Петя. Алексей ушёл на фронт добровольцем вместе с регулярными войсками, освободившими Старую Руссу. Прямо после реабилитации и освобождения из лагеря, был мобилизован и погиб её муж, мой дедушка. Он так и не повидал ни своей жены, ни детей, ни внучат...

Эвакуация

Старую Руссу удержать не удалось, и мирное население начали эвакуировать. Поехала в эвакуацию и моя бабушка со своим голодным табором. Ехали незнамо куда. . . . На пути к эшелону колонну машин обстреляли пулемётом из самолёта. Многие тогда погибли, мы остались живы. Посадили нас в вагон для перевозки скота: ни купе, ни плацкарта, ни вообще каких-нибудь скамеек, расположились на полу и чемоданах. Вагон переполнен беженцами.

Была зима. При закрытых дверях в вагоне была духота, воздух проникал только через щели, свет тоже. На остановках двери широко раздвигались, холодный воздух волной накрывал пассажиров, и не было от него спасения. Как следствие, начались болезни, и смерть ежедневно собирала скорбную дань. Не стоит говорить, что в вагоне вместе с взрослыми, ехало много детей разного возраста, они хотели пить, есть и в туалет, которого тоже в вагоне не было, они должны были сутками сидеть без движения вместе с родителями, а путь был долгим, и не видно было ему конца.

Правда и дети военного времени были совсем не похожи на современных ребяташек, они молча сидели вместе с родителями, слушали разговоры взрослых, и проникались их настроением и чувством постоянной тревоги и страхом перед неизвестным будущим. С младенцами ещё сложнее: надо где-то пеленать, пелёнки стирать и сушить. Хорошо, что у мамы хватало молока, но где было брать еду и для неё и для всей семьи. Одним словом, душегубка. Заболели и у бабушки сын Витя и внуки. Володенька умер от воспаления лёгких, вся спинка у него почернела. У меня стало сводить ноги, Витя тоже захирел. Высадили их в Перми в эвакупункт. Володю отдали похоронить. Его мать, Аня, ушла от бабушки. Аня была шофёром и решила поехать на фронт, она наивно надеялась отыскать там своего мужа Сашу. Больше о ней никогда не слышали.

Черногорск

В эвакуационном пункте мои дорогие отогрелись, помылись, подлечились, но долго там никого не задерживали; маховик войны неудержимо раскручивался и таких, как они было очень много. Дали им направление в Хакассию в город Черногорск, Красноярского края. Им было всё равно куда ехать, лишь бы подальше от войны. Они надеялись, что страхи и беды для них кончатся, но не тут-то было. Снова тяжёлая и нескончаемая дорога в перегруженном вагоне, более чем скудное питание, проблемы с питьём и туалетом, стирка пелёнок в лужах возле кранов с кипятком на коротких остановках, и сушка их на себе, младенец – дни и ночи на руках, ни искупать, ни даже просто подмыть. Не раздеться, не разуться, не вытянуть ноги, чтобы поспать, и нечем дышать в вагоне. Но была надежда, что вот уже совсем скоро снова наступит мирная жизнь в далёком от войны городе. Надежды их не сбылись. Перед ними явился город, чёрный от шахт и угольной пыли, низкие серые тучи, холодный ветер.

Они попали в новый круг ада после Казахстана. Приехали на станцию, нас никто не встретил. Бабушка ушла узнать, когда будет попутка до пункта назначения. Мама со мной на руках и Витя остались с вещами. Голодные, измученные дорогой, они прилегли на скамейку возле вещей и не заметили, как уснули. Когда пришла бабушка, она увидела их спящими, а вещи исчезли, украли всё. Осталось только то, что было под ними, и на них. У мамы не осталось даже сменных пелёнок для меня. И все фото мамы с папой украли вместе с чемоданами. Осталось только маленькое фото. Могу себе представить, что они в этот момент пережили. Мама, конечно, расплакалась, а бабушка только сжала губы – ничего нельзя было исправить, надо было жить дальше.

Воистину, нет предела терпению русского человека. Попутка должна была пойти только завтра, и они решили пойти в баню, так как за долгую дорогу до Хакассии не только помыться, но и умыться было негде. В бане они, наконец, искупали меня, смыли с себя дорожную грязь и постирали пелёнки горячей водой. Переодеться им было не во что, но настроение всё равно улучшилось: да Бог с ними, с вещами, главное, что мы живы и все вместе. Бабушка теряла всё – не в первый раз. Выйдя из бани, они обнаружили, что уже вечер, и надо было где-то переночевать. Но к кому бы они ни стучались, их никто не пустил.

Долго бродили они по улицам и уже отчаялись найти себе кров для ночлега. Была ранняя весна, они замёрзли. И тут к ним подошла женщина и сказала: «Идёмте ко мне, переночуете. Правда, я живу бедно». Никогда не переведутся милосердные люди. Мама вспоминала эту женщину всю жизнь. В Черногорске, наконец-то, зарегистрировали факт моего рождения, и записали как уроженку Черногорска, города, чуждого мне, по сути. Отчётливо помню себя лет с двух, а отдельные моменты и раньше. Сохранилось фото конца 1943 года, мне около двух лет.

На мне капор и пальтишко, сшитое бабушкой, а бант из шарфика и заяц в руках – это реквизит фотографа. Помню, какую истерику я закатила, когда зайца стали забирать. Ведь у меня до этого не было ни одной игрушки, да и где их было взять. Зайца у меня всё-таки отобрали, и я долго не могла успокоиться. Я думаю, что и мама при этой сцене заплакала.

Мама устроилась на фарфоровый завод, Витя пошёл в школу, бабушка со мной и по хозяйству. Нормы были так малы, что могли только поддержать в нас жизнь на грани. Те, кто жил там до войны, имели какие-то запасы, хоть небольшие огороды... У нас не было ничего. Я часто думаю: где они брали силы, чтобы пережить то, что они пережили? Их спасало и то, что они крепко держались друг за друга, беда их не разобщала. Им всегда было о ком заботиться, забывая собственные интересы, не тратя силы на жалость к себе, в тяжёлые времена.

Поселили нас в избу с одной большой комнатой. Хозяйка, многодетная мать, разделила эту комнату мешками с картошкой. И мы с её детьми прокапывали в мешке дырочки и грызли эту картошку сырую и грязную: голод не тётка. Пока взрослые не заметили и не пресекли наше пиратство.

Сколько себя помню, всегда хотелось есть. Так и продолжали мы наш тяжкий труд бытия, каждый по-своему. Летом на каникулах, Витя сидел со мной, а бабушка бралась за любую работу, чтобы не умереть с голода. Мы жили в палатке на берегу канала с очень крутыми берегами.

Однажды, Виктор не углядел за мной, он тогда много читал, всё, что попадалось в руки. А я ушла бродить, играть-то было нечем. Я подошла близко к краю и свалилась в канал, но не утонула, инстинкт самосохранения сработал и я, отчаянно барахтаясь, выбралась на узкую полоску у воды. Я начала карабкаться по крутому склону наверх, цепляясь за траву, но она обрывалась, и я снова соскальзывала вниз, и всё молча. Я и сейчас отчётливо вижу эту траву – «пастушью сумку». Тут меня хватилась Виктор, нашёл и вытащил меня, отнёс в палатку, бросил на кровать, и накрыл с головой нашим старым байковым одеялом. Я не заплакала, только притаилась, характер мой уже тогда проявлялся. А был тогда 1944 год, Вите не было ещё 15 лет, но он хорошо понимал, что я чудом не погибла.

Переезд

Начался учебный год и Витя пошёл в школу, а меня отдали в ясли, рассчитывая на лучшее питание. Но я недолго там пробыла, заболела, потом ясли закрылись на карантин. Но маме разрешили получать суп на вынос, детскую норму. Пока Витя был в школе, я сидела дома одна. Мама принесла мне с работы фарфорового грача, просто болванку с дыркой внизу и совершенно белого. Но я была рада и ему. Еду из садика мама приносила в кружечке и давала мне съесть половину. «А это на вечер», – говорила она, забирая у меня заветную кружечку. «А когда будет вечер?» – спрашивала я, не успев утолить голод. Не знаю, успевала ли сама-то мама поесть в обед. Рабочий день тогда был 12-ти часовой и без выходных, и в обед отпускали с территории завода неохотно.

За то время, пока мы жили в эвакуации, мама переболела малярией, брюшным тифом и воспалением лёгких. У неё почти всё время был конъюнктивит – гнойные шишки на веках. Витя совсем ослаб, не мог учиться. Бабушка поняла, что нам всем придёт конец, если мы там останемся. Зимой 1945 года мама прочитала объявление, что в город Боровичи Новгородской обл. набирают рабочих в подсобное хозяйство с предоставлением жилья. Слово «жильё» после войны было волшебным. Бабушка все важные решения принимала сама, она решила ехать. А было ей в то время 50 лет. Она была инвалидом 2 группы по сердцу, а ноги у неё были в таких толстых синих венах и узлах, что страшно было смотреть. Медкомиссию она не прошла, её не брали на работу. Но она пришла на приём к директору совхоза, рассказала о своей семье и её взяли с испытательным сроком. Она так работала, что стала передовиком, её всем ставили в пример, и директор, по её просьбе, оформил для мамы вызов на работу, благодаря которому мама смогла вырваться с каторги под названием Черногорск. В те времена это было очень непросто – людей везде не хватало.

Но, прежде чем мы оттуда уехали, нам пришлось пережить весеннее наводнение, во время которого мы едва не погибли. В те времена экзамены были со 2-го по 10 классы и по всем предметам. У Вити, как раз и начинались экзамены, но кругом – море разлитое, вода поднялась на метр, лодки у нас не было, и маме пришлось воспользоваться подобием плота, посадить на него Витю, и по грудь в ледяной воде тащить его в школу. Меня оставили дома одну на ледяной печке. Было очень холодно и тихо, только вода по полу журчит. Со мной только слепой и холодный грач, а мне только недавно исполнилось 3 года.

Я легла на живот, и стала смотреть на доски в полу, которые тихо плавали и шевелились в журчащей воде. Видимо я задремала. И тут бы свалиться мне вниз и утонуть, но Боженька и на этот раз не допустил моей гибели. Я очнулась и отползла от края к стенке. Мамочка моя опять заболела, губы её были в болячках, она надрывно кашляла, её трясло, она не могла согреться. Зато Витя перешёл в следующий класс. И тут пришёл вызов из Боровичей. Вода схлынула, оставив непролазную грязь. Но солнце и ветер землю обсушили, а вскоре и маму с работы отпустили. Мама с Витей чувствовали себя окрылёнными, снова появилась надежда, уже в который раз! Мама получила расчёт и мы, собрав нехитрые пожитки, поехали в Боровичи.

Дороги в ту пору могли убить и более крепких людей, что уж говорить о нас. Эту дорогу я помню хорошо. Вагоны тёмные внутри и снаружи, окна не закрываются, туалет загажен. Ехали несколько суток, сидя на вещах. В общие вагоны набивалось столько людей, что ступить было некуда, тогда плацкарта и в помине не было. На станциях бегали за кипятком те, у кого был чайник. Если чайника не было, соседи делились. Заварки тоже не было. Если было немного сахара, то пили «вприглядку», нам с Витей по малюсенькому кусочку, а мама – как придётся. Есть тоже нечего. Всё, что мама брала с собой, отоварив карточку, было давно съедено, прак-

тичной и предприимчивой бабушки рядом с нами не было, надеяться было не на кого. Осталось только немного засохшего хлеба, его и грызли, размачивая в кипятке.

У мамы было немного денег, и при станциях был буфет, но там всегда обитал длинный и злобный хвост измученных дорогой, голодных и раздражённых людей. А поезда, как правило, шли без расписания. Иногда приходилось ждать поезда сутками. Остановки могли быть короткими, а иногда и по несколько часов, т.к. в первую очередь пропускали воинские эшелоны: война ещё продолжалась, несмотря на заключение мира. Ехали эшелоны на фронт в страны соц. лагеря, а с фронта эшелоны с ранеными. Ехали домой и демобилизованные счастливицы, которые остались живы и для которых война закончилась. Ехали весело, с гармошкой, никого не смущало, что едут они в вагонах для перевозки скота. На остановках выскакивали, наяривали на гармошке, пели частушки и плясали, до упаду.

А мама плакала. Это, всё была молодёжь, а те, кто ушёл на фронт в начале войны, никто не вернулся, за редким исключением – в основном, калеки. Мама плакала, осознавая своё вдовство, глядя на них, а я утирала ей слёзы и спрашивала: «Мама, там мой папа?» Я уже знала, что мой папа на фронте, но не знала, что он уже погиб, и я теперь сирота, к счастью, наполовину. Эшелон уходил, и мы снова ехали, и конца этому тяжкому пути не было! Изнурительны были и пересадки. Нам казалось, что дорога никогда не закончится, и мы никогда не доедем. И силы и терпение иссякли у всех нас.

Боровичи

Ну, наконец-то! Измученные, голодные, но счастливые, что все мучения позади, мы прибыли в Боровичи. Оттуда не так уж далеко и до Старой Руссы, где осталось предвоенное счастье моих дорогих страдальцев. Наша энергичная бабушка договорилась с конюхом и нас привезли домой на подводе, у нас ведь снова скопились кое-какие пожитки. А ждали нас хоромы в бывших конюшнях монастыря. Место это так и называлось «Конный двор». Это место нельзя назвать даже коммунальной квартирой. Помню длинный тёмный коридор, который освещался только когда открывали дверь на берег реки Мсты. С весны до осени дверь была всегда распахнута, а зимой прикрыта, и тогда все мы оказывались в темноте, даже керосиновой лампой в тех условиях пользоваться было нельзя, поэтому спать ложились рано.

«Комнаты» – бывшие стойла для лошадей. Стенка каждого стойла была вместо ширмы в средний рост человека, так что при желании, всегда можно было заглянуть к соседу, и в каждом стойле – семья. Как пчёлы в ульях. Вместо дверей занавески из того, что у кого было, а некоторые обходились и без «дверей».

Вот такое жильё обещали вербовщики, когда набирали людей на работу. Но все были рады и такому жилью, выбирать не приходилось. Не помню, где все жители этого гетто варили еду, где стирали, чем освещали своё убогое жилище? Точно помню, что электричества там не было. Ну, летом – на улице, а зимой? При -25?

Можно представить, какая была слышимость в этом цыганском таборе. Кроме меня там были ещё ребяташки, и когда удавалось хоть немножко поесть, мы носились по коридору, а летом на «улице». Делить нам было нечего, ни у кого не было игрушек и других атрибутов детства и мы просто бегали и орали, пока кто-нибудь из родителей не давал нам подзатыльник. С нами особо не церемонились. И стали мы жить в этом стойле, но все были счастливы, что снова вместе, на нас не падают бомбы, что плохо не только нам, и что в Черногорске было намного хуже. Бабушка взялась лечить маму и вылечила, но проблема с глазами была у мамы ещё много лет. Бабуленька нас ждала, достала где-то чехлы от матраса, набила сухой травой, поставила ящик вместо стола.

Спали все вместе, покатаем, но так даже теплее зимой и все были довольны. Немного окрепнув, мама устроилась на работу в бухгалтерию подсобного хозяйства завода «Красный керамик». Ведь у неё было 7 классов образования. По тем временам это было как сейчас – высшее образование. У многих начальников того времени бывало и по 3 – 4 класса школы. Она работала сначала счетоводом. Быстро освоила эту работу и через пару лет её перевели на должность бухгалтера.

Новая жизнь

Монастырь с конным двором стоял прямо на берегу реки Мсты. В этом месте берег был очень крутой, река быстрая и глубокая. По этой реке сплавляли лес – толстые брёвна. Иногда эти брёвна сбивались в затор. На другом берегу – градообразующее предприятие, кирпичный завод «Красный керамик». К нему через реку был проложен временный мост из брёвен, который назывался «запань». Ходить по нему было неудобно и опасно, но никто не привередничал. Для тех, кто работал на заводе, а жил на нашей стороне, этот путь был во много раз короче. Был и другой мост, настоящий, но он был далеко от нас. Мама и бабушка работали на нашей стороне реки и запанью не пользовались.

Витя осенью пошёл в школу, а благодаря бабушке, свежему воздуху, купанию в реке и солнышку, он к осени окреп и смог учиться дальше. А меня попытались отдать в детский сад.

Помню свою воспитательницу, Евдокию Васильевну. Хорошая была женщина, но даже ей не удалось приручить меня. В Черногорске я совершенно одичала, слишком часто оставалась наедине с собой, и виделась только со своими близкими. Когда мама приводила меня в садик, я орала и цеплялась за неё, а когда она, расстроенная, уходила на работу, я долго не могла успокоиться. Каждый день сильнейший стресс.

Да и что там меня могло заинтересовать? За время войны там не было ремонта, не покупались игрушки и т. д. Всё пришло в упадок. Участок не оборудован.

Помню большое суковатое дерево, на нём мы и «висели», как обезьянки. В группе тоже почти ничего. Бумаги для рисования и в школе-то не было. Приносили из дома, кто что мог – обёртки, старые газеты. Мне мама приносила узкие обрезки бумаги от документации. Да и рисовать-то было нечем: от карандашей остались одни огрызки, да и те надо было хорошенько поплюнуть, чтобы было видно рисунок.

Дети рисовали войну, самолёты, танки. Они об этом знали только по картинкам из газет – война – взрывы и бомбёжки – обошла Боровичи стороной. Новгород и Старую Руссу разбомбили, а Боровичи нет. Но нищета и дефицит здесь были в полной мере. Поэтому мама, не смотря на мои бурные протесты, продолжала водить меня в садик, пока я не заболела. В общем, мучились со мною, мучились, да и забрали из садика.

Бабушка ушла с работы, и стала я жить под бабушкиным неусыпным оком. Но такая уж я была шустрая, что и бабушка не углядела. Было мне тогда четыре с половиной года. Как-то спустилась я с крутого бережка, пошла по запани, потом перепрыгнула на брёвна сплава и начала по ним прыгать – с одного на другое. Тут бы мне оступиться и уйти под топляк и согнуться, да опять меня Боженька спас. Кто-то увидел меня с берега, сказал маме. Она примчалась на берег и замерла: и кричать боялась, чтобы не напугать меня грядущим наказанием, и стало ей плохо от такого зрелища. Тут я оглянулась, и увидела на высоком берегу маму. И помчалась тем же манером обратно на запань и благополучно залезла на берег. Ну, тут уж мне воздали по заслугам.

Бабушка, как исконно русская и сильная личность, прошедшая не один круг ада, не выбирала выражений и за словом в карман не лезла. Она мне сообщила, что я мытарка, антихристка окаянная, подлянка чёртова и т. д. А если я, по её мнению лезла не в своё дело, она называла меня «подскок пиздяной». Вот так, коротко и ясно. Но я на это не особо обращала внимания, пропускала мимо ушей – лишь бы не били, но кроме ругани драли меня беспощадно. Это бабушкино влияние, но она других методов и не знала, и её так воспитывали и она так же, у неё было 4 парня как тут обойтись без порки.

Забегая вперёд, скажу, что живя у Виктора, женатого человека, отца двоих детей, она оттузила его подшитым валенком, когда он явился с работы пьяным и стал ссориться с женой. И это помогло. Вот так и со мной – им некогда было воспитывать меня убеждением, все их силы уходили на то, чтобы выжить, особенно в 1946-47-48 годах. Это были самые тяжёлые послевоенные годы. Но я этого тогда знать не могла.

Я была смелая, рисковая, быстрая, решительная, лёгкая, как пёрышко. Леночка Шлеева, внучка моя, такая же худенькая, как я была в детстве. И я тоже не ела мяса, потому что тогда его просто не было. Я доставляла своим близким немало огорчений. И они ещё не всё знали: я 6 раз тонула, даже научившись плавать, и меня каждый раз кто-нибудь вытаскивал или сама выкарабкивалась. Даже у берега в реке были глубокие омуты, и в них тонули иногда даже взрослые. На моих глазах утонула девушка лет 16, и я впервые так близко осознала смерть.

На другом конце конного двора был «каретный сарай». Там стояло множество разбитых телег, пролёток, саней с оглоблями. Это было любимым местом игр ребятишек с конного двора. Старшим мальчишкам удалось даже выкатить одну пролётку. Мы, малыши, набивались в кузов и раскачивались на рессорах, а мальчишки пытались тащить её за оглобли, но они для этого ели слишком мало каши, они её совсем не ели в ту пору. Нам была дана полная свобода, взрослым было не до нас. И такая свобода не всегда хорошо кончалась. Чего только не случилось с ребятишками в то бесконтрольное время.

Стриженная голова, чёлка, худоба – вылитый мальчишка и характер мой соответствовал. Я не ощущала себя ни мальчиком, ни девочкой – некое бесполое существо. Одежда на мне как с чужого плеча, обычно перешитая из старого и большого, на вырост. Всё висело на мне, как на вешалке. У мамы не было средств на новые вещи, да и вряд ли они тогда были в продаже.

Дом на улице Александра Невского

В 1946 году случилось знаменательное событие, жизнь наша сделала крутой поворот: нас переселили из норы на конном дворе, в которой мы прожили почти полтора года, в двухэтажный деревянный дом на улице Александра Невского, 21. Двор был закрытый, входили в него через калитку, минуя большие деревянные ворота. У самых ворот ещё один – одноэтажный домик, там жила многодетная семья Титовых. У нашего дома было крыльцо под навесом и высокая завалинка. Напротив дома – сарайчики, с крыш которых, мы потом прыгали в неглубокий снег. Слева от крыльца, у самого забора, большие качели, на них помещалось несколько детей одновременно. Остальная территория – утоптанная площадка, которая после дождя превращалась в грязное месиво. Несколько чахлах кустиков. Там и проходили все наши игры, благо ребятишек во дворе было достаточно и самых разных возрастов. Я быстро со всеми познакомилась и стала неизменной участницей всех игр, шалостей и коммерческих операций.

Наша коммунальная квартира располагалась на втором этаже, на который можно было подняться по неосвещаемой, деревянной, узкой и шаткой лестнице. Наша комната – одна из четырёх. Она была большая и светлая, с широким окном. Это великолепие поделили перегородкой на 2 неравные части: одна, чуть больше, с окном, другая без оно, но зато с печкой. В светлой части жили мы с мамой, а в тёмной и тёплой – бабушка с Виктором. Через какое-то время, стараниями бабушки, у нас появился круглый стол, 2 стула и 2 табуретки, 2 железных кровати. Одна нам с мамой, другая бабушке. Всё это было старым и облезлым, но таким желанным. Как счастливы были мама и бабушка: жизнь опять налаживалась! Вот что значит НИКОГДА НЕ ТЕРЯТЬ НАДЕЖДУ, ни при каких обстоятельствах. Всегда надо надеяться на лучшее. Горе и радость, счастье и утраты, успех и неудача – это всё временно, а надежда должна сопутствовать человеку всегда.

Мамочка моя, рукодельница, из ничего умела создать уют. Через знакомого ветеринара ей удалось достать марли, и она сшила на окно шторы, похожие на современные ламбрекены. На чисто вымытом окне они смотрелись очень нарядно. Потом из старой простыни она соорудила шивную скатерть на стол, раздобыла ниток-мулине и вышила на ней узор с цветами. Получилось очень красиво.

Мама хорошо вяжет крючком, она связала салфеточки, прошивки на наволочки, подзор на кровать (это кружева, которые выглядывают из – под покрывала). Как это важно – преображать и украшать свою жизнь и своё жилище! В каждой квартире должна быть своя изюминка, свойственная только вашему жилью и никакому другому. В нём должно быть то, что будет греть вашу душу и радовать глаз. А в нашей комнате всегда было уютно, чисто и прибрано. И это для меня было важно, ведь все впечатления из нашего детства переходят в копилку нашего подсознания.

Зимой в комнате было тепло от печки, а летом окна были открыты настежь, и солнышко пребывало в комнате весь день. После Хакассии и конного двора эта комната казалась нам раем. Была в квартире большая общая кухня, тёмная и мрачная. А зимой холодная. Там стояла большая печь, но её никто не топил из-за отсутствия дров. На печке стояли примусы – их называли керосинки, но керосин тоже был дефицитом. Общую кухню использовали и как прачечную.

Примусы, а впоследствии и керогазы – это отдельная история. Это была вечно воняющая керосином конструкция с плоской металлической колбой внизу и горелкой сверху. Сбоку – насос, которым хозяйка закачивала керосин к горелке, а потом регулировала пламя, когда поджигала его спичкой. Примус был неустойчивым и довольно опасным при использовании. Детей туда и близко не подпускали. Бывали и возгорания и пролитая еда... Им пользовались в основном летом. Керогаз – более устойчивый и мощный, на него можно было поставить и бак с водой,

но стоил он дороже, а, главное, кушал много керосина, а это существенный недостаток. Спички тоже были на вес золота, их берегли, и старались использовать не больше одной спички. Никогда и никто не оставлял свои спички на кухне. Лучше была бы электроплитка, но электричество тоже было проблемой.

В доме часто отключали свет в целях экономии, и все пользовались керосиновыми лампами, а это значит, что керосин нужен был круглый год. А это большая проблема. За керосином мы с бабушкой ходили на другой конец города, никакого транспорта в городе не было. Нам снова писали номера на руке химическим карандашом, и я носила его, как современное тату, он плохо смывался и след от номера на руке сохранялся до следующей очереди. Мы вставали в конец километровой очереди, и я успевала набегаться и наиграться с другими детьми, они тоже были заложниками этого злого дракона стоглазого, под названием – очередь – пока, наконец, бабушка не оказывалась у самого прилавка. Не раз она устраивала мне экзекуцию, за то, что я, заигравшись, пропускала тот счастливый момент, когда она была уже у цели, и ей приходилось искать меня, рискуя потерять свою очередь.

Мы покупали керосин на двоих в большой бидон, и бабушка тащила его с частыми остановками: она несла эту тяжесть с трудом, с её-то больным сердцем и ногами. Были мы с ней – старый да малый – товарищи по невгодам. Но иначе никак. Керосин хранили в сарае, и бабуленька всегда опасалась, что его украдут или сараи подожгут ненароком, бывало и такое – то разберут ветхую крышу, то снимут ненадёжный замок. В нашей квартире не было ни холодной, ни горячей воды, ни канализации. Зато был «тёплый» туалет с выгребной ямой за домом. Правда, летом из нашего туалета сильно воняло, а зимой несло холодом, но это всё мелочи жизни. Кроме нас ещё в трёх комнатах жили соседи, жили дружно, конфликтов не было.

Студенчество Виктора. Славик

В начале лета 1946 года Виктор сдал экзамены за 7 класс и вместе с другими ребятами он поехал в Свердловск и поступил в строительный техникум. Теперь надо было из скудного бюджета ежемесячно посылать ему какие-то деньги, чтобы он мог учиться и не умереть с голода. Дешевле всего в магазине была селёдка. Ею он в основном и питался, выручали иногда ребята, жившие в Свердловске или в области, они привозили из дома картошку и сухари. Зимой 1947 года Виктор написал маме, что хочет на каникулы приехать в Боровичи. Мама собрала ему денег на билет, и он приехал. Высокого роста, тощий и бледный, под глазами черно.

К его приезду мама с бабушкой подготовились: мама достала небольшую бутылку рыбьего жира, а бабушка раздобыла картошки. Нажарила бабушка Виктору картошки на рыбьем жире – я такой вкуснятины и не видела никогда! Правда, картошку никто тогда не чистил, слишком расточительно, но всё равно, блюдо это сводило с ума. Я смотрела на бабушку с мольбой, в животе у меня урчало, как у голодной кошки. Но бабушка мне сказала: «И не думай! Сиди за занавеской (в чуланчике за печкой) и только пикни!» С бабушкой не поспоришь. Я сидела в чуланчике, вдыхала умопомрачительный запах и обливалась слезами и слюной, так мне хотелось этой картошки, но бабушку я побаивалась, она была скорой на расправу, и слово её не расходилось с делом. А мне только исполнилось 5 лет. Кончилось тем, что Виктор понял, в чём тут дело и оставил мне чуток картошки на сковородке. Вывел меня из чулана и посадил за стол. Я так быстро проглотила картошку, что и не поняла её вкуса.

Да-а-а, голодные мы все были тогда. А мама с бабушкой этой картошки так и не попробовали. В следующий раз мы с Витей пекли картошку на плите: он нарезал её тонкими дольками вместе с кожурой и раскладывал их на горячей плите. Так она и пеклась, а потом надо было её чуточку подсолить, и я тогда не ела ничего вкуснее. Из одной картофелины получалась полная ладошка печёнок, – красота!

Я в то время очень любила своего дядю, люблю его и сейчас, а тогда он был единственным мужчиной в доме, а мне подсознательно хотелось, чтобы у меня был отец. У каждого ребёнка обязательно должны быть и мама и папа, чтобы он не чувствовал себя ущербным и обделённым. Пока дядя был у нас, я не отходила от него. За время каникул Виктор немного отошёл, исчезли круги под глазами, он заметно ожил, даже девчонками начал интересоваться. Ему недавно исполнилось 17 лет. В общежитии техникума он научился играть на гитаре. Однажды он принёс гитару от своей знакомой и показал нам, как он играет, и мама очень хорошо пела под гитару. Молодость брала своё, и никакие невзгоды жизнь не остановят. Бабушка утирала слёзы, глядя на них, из пяти детей у неё осталось только эти двое, да сын Алексей, который жил тогда в городе Барабинске Новосибирской области. А я лихо отплясывала под гитару цыганочку. Как же хорошо нам было тем вечером!

Одет наш студент был плохонько. На толкучке купили ему длинное пальто с чужого плеча, кепку и ботинки б/у. А, брюки и свитер, – одни на все случаи жизни. Уехал мой дядя, праздник кончился. Зато к нам из Ленинграда привезли бабушкиного племянника, малыша Славика, 2-х лет от роду. У бабушки было много родни в Ленинграде, и, в том числе, 3 её сестры, пережившие блокаду, все три гораздо моложе неё. Самая младшая из них, Матильда – почти ровесница маме моей, вышла замуж за офицера, родила от него двоих детей. Младший, Славик, страдал тяжёлой формой диатеза. И тут Славин отец получил направление для службы в Магадане. Куда было ехать с больным ребёнком?! Славика по договорённости привезли к нам.

Когда малыша привезли, на него жалко было смотреть: он весь был покрыт золотушной коркой – и голова, и лицо, и тело. Руки в рукавчиках, чтобы не расчёсывался до крови. Матильда, мать ребёнка, уехала, пообещав высылать деньги на его содержание. Слово своё она

сдержала, и эти деньги были хоть и небольшим, но подспорьем в нашем хозяйстве. Бабуленька моя вылечила Славика народными средствами, купала его в целебных травах, поила отварами. И мальчишка ожил и прожил у нас 2 года.

Как-то, в выходной день, мы с мамой ещё спали, бабушка хлопотала по хозяйству. Славик заскучал, взял небольшое суковатое берёзовое полено возле печки, и пошёл будить тётю Аню (она спала с краю). Уговаривать не стал, а сразу применил радикальные меры – бабахнул тётю Аню берёзовым поленом по лицу. Она вскочила и сразу заплакала от боли и испуга, а когда посмотрела на себя в зеркало... На другой день пришлось идти на работу с распухшим носом, ссадиной на лбу и с синяком под глазом. И все шутили: « Ну вот, появился мужик в семье. И без мужика плохо и с мужиком не очень-то». Мама смеялась – слёзы и смех, у неё всегда были рядом. Светлый она у нас человек, сангвиник.

В это же лето я едва не погибла. Меня оставили дома одну в наказание. И тут у меня возникла мысль вылезти через окно. Мы жили на 2 этаже. Окна выходили в проулок, а под ними – камни, поросшие чахлой травкой. Я открыла окно, встала на подоконник и посмотрела вниз – высоко, и голова закружилась. Дом наш хоть и деревянный и этаж только 2-ой, но он был старой постройки, с высокими потолками, а мне было только 5 лет. Тогда я легла на подоконник, и снова посмотрела вниз. Теперь земля была значительно ближе, и я уже собралась перевалиться через подоконник. Но что-то удержало меня, спасло от беды. Если бы я упала на камни, могла сломать и ноги и позвоночник. Когда на другой день пришла я под это окошко и глянула вверх, то увидела, как высоко было наше окно. Боженька хранит меня всю мою жизнь.

В поисках еды. Баня

Есть хотелось всегда, и мы, дети, ели всё, что казалось нам съедобным. Травы: кислицу, калачики, кашку, дикий щавель и др. Однажды в поисках съедобной травы, я наткнулась на растение с бело – чёрными цветочками. Попробовала, они имели сладковатый вкус. И была это белена. Когда мама пришла с работы, у меня уже пена изо рта текла клочьями, я никого не узнавала, билась и рвалась из рук. В общем, с трудом и не скоро меня привели в норму, помогла наша соседка, напоив меня молоком. Недаром говорят: «Ты что белены объелась?», а могла бы и умереть: я была ещё очень мала и организм мой был сильно ослаблен, но опять не судьба.

Делали мы с ребятами и набеги на совхозное поле, где выращивали турнепс. Это крупный корнеплод, иногда с нашу голову, белого цвета, сладковатый на вкус и сочный, его ещё называют брюквой. Но, в поле был охранник на лошади и с хлыстом. Попадёшься, так «вытянет», что долго помнить будешь. Но как часто бывает в жизни, обстоятельства лишают нас права выбора: голод толкал на подвиги и мы всё-таки добирались до этого турнепса. Всё надо было проделать очень быстро, пока не видит объездчик, поле обширное, всё сразу не укараулишь. Вытащить плод из земли не получалось – ботва обрывалась. Мы разрывали руками землю, с большим трудом, ломая ногти, добывали из земли толстый белый клубень, и мчались в укромное место. Там мы стряхивали с него землю, зубами очищали от кожуры, и по очереди откусывали твёрдую, сладкую и сочную мякоть. Какое это было наслаждение! Но после этого «салата» ещё больше хотелось есть. Иногда нам удавалось украсть морковку, но на нашу гопкомпанию морковки было мало, а находиться на поле долго никто не рисковал.

При таких пищевых добавках неизбежно заражение глистами. И это была очень серьёзная проблема. Мои близкие хватились, когда аскариды отравили мой организм, у меня стала кружиться голова, появилась тошнота и рвота, болел живот. Всё моё тщедушное тело было заполнено этими хищницами. Когда меня начали активно лечить сантонином, они полезли и сверху и снизу, и не было им конца. Я содрогалась от страха и рвоты, в любое время суток, особенно ночью, и мама страдала вместе со мной. Вторая всеобщая проблема – вши. Вшивыми были все, их бесполезно было выводить, т.к. коротко пообщавшись с кем-то, можно было снова их нацеплять. Выискивание вшей друг у друга было обычным делом, а мы с соседкой Валькой Емцовой, вытаскивая вшей у её матери, играли: это папа, это мама и т. д. Набиралось до 15 родственников и знакомых, а в такую игру мы играли довольно часто. При этом, мы не испытывали никакого отвращения – ведь это была обыденность.

И тут на помощь приходила городская баня, обитель общегородского очищения от скверны и место встреч со знакомыми и родственниками. Баня работала по субботам и воскресеньям, с утра и до позднего вечера, и была одна на весь город, но зато там был водопровод и она хорошо обогревалась. Ходили туда обычно раз в 2 недели, а некоторые и раз в месяц.

Баня – большое 2-х этажное здание тёмно-розового цвета стояло ближе к центру города, на берегу реки Мсты. Каждый выходной люди густыми толпами шли к этому зданию, как когда-то шли в церковь. Раньше меня мыли в тазу дома. Но когда ноги перестали помещаться в тазу, меня стали водить в баню. Мы с мамой шли туда к 6 часам утра и стояли в очереди, в этой змее подкольной, частью которой и мы тоже являлись, до 2-х часов дня! Самое страшное, что при этом могло случиться – это потерять очередь, отвлекшись разговором со знакомыми, ведь номерков здесь уже не писали – слишком длинна была очередь. Если ты простоял уже пару – тройку часов, а сидеть там было просто негде, слишком много было народа, и уже превратился в зомби, тупого и безразличного, ты радуешься каждому новому лицу, и возможно-сти отвлечься от отупляющего бездействия, и не ты один. Поэтому люди то отходят от очереди, то снова подходят и ищут своё место.

И вдруг, оглянувшись на очередь, понимаешь, что не видишь ни одного примелькавшегося лица. Ужас! Ты в панике, мечешься вдоль очереди, а тебе говорят: вы здесь не стояли. Что делать, снова занимать очередь? И когда, уже потеряв всякую надежду, вдруг, ты увидишь нужное тебе лицо в этой аморфной и равнодушной толпе, готовой превратиться в дикого кровожадного зверя, когда заденут чей-нибудь интерес, ты бросаешься к этому лицу, как к самому родному и близкому, понимая какой неприятности ты избежал. И когда, наконец, мы попадали в выстраданную обитель – выходили оттуда нескоро.

Первое время, я очень стеснялась раздеваться при чужих людях, и маме приходилось уговаривать меня, но недолго, подзатыльник или, как вариант, шлепок ниже спины, быстро решал все проблемы. Мы входили в огромный зал, величиной со спортивный зал в школе. В мутной и жаркой пелене проступали широкие каменные лавки. От обилия голых женских тел начинала кружиться голова. В центре – стойки с кранами горячей и холодной воды. Струя из такого крана била, как из садового шланга, и это очень хорошо, потому что у кранов тоже стояла очередь. Люди отдыхали в бане, как сейчас в сауне. Мылись, не торопясь, многократно намыливаясь и смывая, пока чистое тело не начинало скрипеть. Мыло использовалось только хозяйственное, туалетное мыло – роскошь. Тёрли себя мочалкой из лыка, жёсткой, как тёрка, до одурения, и пока кожа не станет тёмно-бурой, с особым рвением драили друг другу спину.

Дежурная гардеробщица выгоняла тех, кто слишком засиделся, ведь очередь в баню не убывала до позднего вечера. Тазы, оцинкованные и с двумя ручками, удавалось найти не сразу, за ними надо было охотиться, тут уж рот не открывай, хватай из рук в руки. Сидячих мест тоже не хватало, мылись, стоя над тазом, отстояв многочасовую очередь. Когда место освобождалось, все кидались, как коршуны на добычу, что не редко приводило к военным действиям, когда в ход пускались грубые мочалки, тазы, ноги и волосы соперниц. На скандал обращали внимание только те, кто оказывался рядом, и то поневоле, следили только, чтобы и им ненароком не досталось. Да и все звуки в бане были приглушёнными, людская речь воспринималась как жужжание пчёл. Слышны были только стук таза о каменную скамью, да шипение мощной струи воды из крана. Впрочем, бой без правил заканчивался довольно быстро, с падением на пол одной из сторон конфликта: попробуй, повоюй на мокром и скользком бетонном полу.

Пока воюющие и воющие стороны выясняли отношения, место занимал кто-нибудь другой. Очень повезёт, если встретишь в бане знакомую, которая собирается уходить. Мама с этой целью всегда ходила в разведку, лавируя между голых и распаренных тел. Иногда счастье улыбалось нам, и мы скоренько проделывали операцию: одна попа встала, другая тут же села. Иногда бывало, что это место ждали и другие люди, и, разгадав наши намерения, они поднимали ор: « Вас тут не было!!», на что мама вежливо отвечала: «Я договорилась за это место раньше вас». И наступало блаженство.

Конечно, на этих лавках можно было подцепить что угодно, но выбора не было, и все согласны были рисковать, иногда, правда, подстилали под себя что-то из своего бельишка, предназначенного для стирки. Но тут был риск, что его уведут без вашего согласия. Ещё мама ходила в парную, а я караулила её место, не спуская глаз. Здесь же, в бане боролись не на жизнь, а на смерть, со вшами. Слева от входа в помывочный зал, стояла тумбочка с ёмкостью, где было жидкое мыло от вшей. Воняло оно сильно и отвратительно. Многие приносили с собой косынку, намазывали голову этим мылом, завязывали голову косынкой и смывали в конце помывки.

Некоторые приходили в баню уже присыпанные дустом – тоже невероятная гадость. Но, как говорится, это были неизбежные издержки, никто никого не обвинял, не упрекал, – это было всеобщее бедствие, да и счастье-то никогда не бывает полным. Обрато тащились домой, разомлевшие и уставшие, хуже, чем на работе, но, хлебнув чистого воздуха, чувствовали себя чистыми и умиротворёнными. Бабушка с нами в баню не ходила, предпочитала мыться на ско-

рую руку, закрывшись на общей кухне. Частый гребень был в любой семье, их продавали в бане и любом газетном киоске. От вшей в нашей стране удалось избавиться только с появлением хороших шампуней.

Особенности быта, 1947—50

Но, за всякое удовольствие надо платить: на следующий день была стирка, и это тоже было испытание на прочность. Обычно большая стирка лежала на маме. Сначала надо было наносить воды с колонки, двумя вёдрами на коромысле, поднимаясь на 2 этаж. Эту работу она проделывала ежедневно, приходя с работы. Воду грели в оцинкованном баке, зимой на печке, летом на керогазе. Стирала мама в оцинкованном корыте с помощью ребристой доски. В целях экономии мыла, бабушка варила щёлок с добавлением кальцинированной соды, его добавляли в горячую воду для стирки. Такой раствор разъедал руки, но жалеть себя в те времена не имело смысла. Мама, низко склонившись над корытом, обдаваемая ядовитым паром от горячей воды со щёлоком, тёрла бельё о стиральную доску. Воду меняли несколько раз.

К концу стирки спину было не разогнуть, всё тело ныло и болело, как побитое, глаза краснели и слезились от щёлока. Но это была только половина стирки. Для разнообразия, маме приходилось идти за водой снова, на очереди было полоскание, рядом с ней ходила за водой со своим бидончиком и я. Колонка в 100 м от дома. Я уж не говорю о том, что воду надо налить в бак, потом в корыто, потом несколько раз вылить из него и вынести помой. Наконец бельё выстирано! С большим тазом, полным мокрого белья, кряхтя и тяжело вздыхая, мама с трудом взбиралась на чердак. Там она натягивала верёвки и развешивала бельё. А дальше – моя задача – его охранять.

Были в то время такие «волшебники» – стоит им появиться, как бельё, даже ещё мокрое, вдруг исчезало вместе с верёвкой. Охранять бельё мне нравилось. Правда на чердаке были постоянные сквозняки, но зато как там было интересно и таинственно. Я с подружками обследовала чердак вдоль и поперёк. У нас там были свои закутки у слуховых окон, мы там играли в свои незамысловатые игры и прятали свои детские секреты: цветные стёклышки, камешки и другую дребедень.

Бабушка сделала мне куколку из тряпочки, свернув её жгутиком и сложив вдвое. А потом она перетянула его ниткой поперёк, выделив головку, пришила жгутики-ручки и такие же ножки. Мама нарисовала кукле лицо. В рисовании она сильна не была. Получилось не очень: глазки, как пуговицы, рот косоват, брови, как у старого пирата, но придирается к таким мелочам никто не собирался, да и выбирать было не из чего. Вот с этой куклой мы и играли, у других-то и такой не было. Тематика наших игр была бы необычной для современных детей: очень мы любили играть в похороны. Моя кукла умирала много раз, была захоронена по всем правилам, в могилке и даже оградку из палочек мы ей делали. А потом она оживала. Всё-таки природный оптимизм брал верх.

Хоронили мы и мух и жуков и гусениц. Отражали в игре окружающую действительность: тогда много людей умирало, и детей в том числе. Там же, на чердаке, стоял сундук со старыми газетами и журналами. Чей он был, мы не знали. Мы разглядывали довоенную жизнь в картинках и воспринимали её, как сказку. Проветренное и слегка подсушенное бельё вновь собирали и досушивали на общей кухне. В общем, казнь египетская, эта стирка. А ведь ещё надо было гладить это бельё тяжёлым чугунным утюгом с горячими углями внутри утюга. Утюг был один на всю квартиру, но мама пользовалась им чаще всех – она любила порядок и чистоту. Пища, которую мы ели, не была сытной, поэтому есть хотелось едва мы вставали из-за стола, особенно хлеба, а с хлебом-то у взрослых были большие проблемы, как, впрочем, и с остальной пищей. Продукты продавали по карточкам. И хотя очереди никто не отменял, бабушка могла купить все продукты, указанные в карточке, но их было ничтожно мало. Гарантированно, 800 г хлеба в день, но при нехватке других продуктов, хлеба надо было больше.

В конце 1947 года карточки отменили и даже провели небольшое снижение цен, но стало ещё хуже. Хлеба можно было купить больше, но давали 1 буханку в руки, а чтобы купить 2, надо

было идти в очередь вдвоём. Мама работала, Виктор уехал, Славик – мал, а мне уже около 6 лет и, значит, я больше всех подходила бабушке в напарницы. Спорить с бабушкой – пустой номер, капризы пресекались коротко и ясно: не пойдёшь – не получишь хлеба, и это был убойный стимул. Что такое хлеб в нашей жизни, мы знали не понаслышке. Бабушка будила меня очень рано, ещё затемно, и мы шли с нею в центр города в булочную занимать очередь. Бабушка молча тянула меня за руку, а я, закрыв глаза и дрожа от холода, спотыкаясь, перебирала ногами, досыпая на ходу. Наш номер нам писали на руке химическим карандашом. Идти обратно было далеко, поэтому мы стояли до 8 часов утра, ожидая открытия магазина, часа 3. Дети, стояли вместе с взрослыми, в это время им было не до игры, – полусонные, озябшие, прижавшись к своим близким, закрыв глаза и покачиваясь, дремали стоя.

В 8 часов утра приходила продавщица и открывала дверь. Все оживали. И тут народ напирал толпой, пробиваясь в узкий проём двери. У всех были номерки на руках, значит место в очереди гарантировано, но никто никому не верил, все одурели от холода, недосыпа и бесконечного ожидания, и люди рвались – быстрее попасть в тепло и получить свой хлеб. Кругом шум, ругань, давка, детский плач: кого-то придавили, на кого-то наступили. В это время приходила машина с хлебом. Магазин заполнял острый запах свежего и ещё тёплого хлеба. Этот запах возбуждал толпу голодных людей, и одновременно успокаивал – хлеб будет, стояли не зря. Желудок от запаха тёплого хлеба сжимался и урчал не только у меня.

Пока машину разгружали, очередь устанавливалась по номерам. В толпе всегда находился какой-нибудь активист, который следил за порядком, за разгрузкой хлеба и за тем, чтобы весь привезённый хлеб был продан людям, т.к. хлеба хватало не всем. Тем, кто пришёл позже, надо было ждать следующей машины неизвестно сколько. Одна машина развозила хлеб по всем булочным города. Она была древняя, и потому часто выходила из строя, но другой не было, – не так давно, закончилась война. По нашим номеркам нам давали буханку чёрного хлеба и калач. Батонов у нас не пекли. И мы, счастливые и усталые, не спеша брели домой. По дороге я тихонько отщипывала калач и с упоением проглатывала тёплые и душистые кусочки. Бабушка делала вид, что не замечает моей хитрости. Хлеба нам хватало на 2 дня. А потом снова...

В 1949 году я пошла в школу и за хлебом уже не ходила, а с 1950 года давали уже по 2 буханки в руки, и бабушка ходила в очередь одна. Вообще очереди были всегда и везде. Как говорится, очередь длиною в жизнь. Стояли даже у закрытых магазинов, ждали, может «выбросят» что-нибудь съестное или просто полезное. Самые тяжёлые послевоенные годы: 1946, 1947 и 1948. Нам удалось их пережить – бабушка нас сохранила.

Что она только не придумывала, чтобы накормить нас. Из овса она варила неаппетитное на вид, но довольно сытное блюдо – овсяный кисель. Она заливала промытый овёс водой, заквашивала его, потом перемалывала, процеживала, и варила с помощью крахмала как обычный кисель. Только вместо сахара добавляла соль, которая тоже тогда была в дефиците. А если в этот кисель добавляли хоть чайную ложку подсолнечного масла – пальчики оближешь, особенно, с голодухи. Выручал нас и жмых, который привозили для лошадей, им ведь приходилось много и тяжело работать, поэтому о них заботились. Они с нами делились, хоть и против своей воли. Жевали мы и гудрон, мы его называли вар, как теперь жуют жвачку. Это позволяло на время обмануть голодный желудок.

По карточкам нам давали мелкую, меньше кильки, сушёную и очень солёную рыбёшку – снетки. Бабушка добавляла её в щи вместо соли. Иногда удавалось стащить пару штучек этих снетков и, запихнув в рот, долго сосать их до полного размягчения, ощущая вкус рыбы. Люди даже сочинили частушку: « Щи горячие, да со снеточками, а слёзы катятся да ручеёчками». Представьте – капустный суп с солёной рыбой, но мы не считались гурманами, ели что дадут, разносолами мы в тот период жизни избалованы не были. Задача состояла в том, чтобы запол-

нить хоть часть желудка чем угодно, лишь бы он не был совсем пустым, и не вызывал слабости и головокружения.

В 1949 году задумала моя бабуленька завести кур. Она долго собирала денежки на инкубаторных цыплят. Мы с нею отстояли бесконечную очередь и купили почти мешок комбикорма для будущих кур. С большим трудом притащила бабушка домой этот мешок. Ведь расстояние от дома до базара и обратно было немалым, и пройти его с больными ногами и без груза было трудно, а ведь этот треклятый мешок был тяжёлым, а к концу пути казался ей ещё раз в 5 тяжелее. И вот, наконец, она купила 18 цыпляток. Она их холила и лелеяла, носила то в дом, то на солнышко. Цыплята подрастали и начали оперяться. Но однажды утром меня разбудили громкие рыдания с причитаниями. Выскочив на улицу, я увидела бабуленьку в великом горе: в сарае лежали в рядок все 18 цыплят, задушенные хорьком. Я обнимала бабушку, пытаюсь её успокоить, но она была безутешна.

А, потом и у меня случилось горе: на Пасху бабушка купила пяток яиц, стакан молока и 2 стакана муки. 4 яйца она покрасила луковым пером, которое она собирала целый год, одно забила в тесто и в духовке испекла плюшки. Утром, вернувшись из церкви, бабушка дала всем по одному крашеному яйцу и плюшке. Плюшку я тут же проглотила, а с яйцом пошла на улицу. Я держала яйцо, как драгоценность, такое гладкое, тёмно-красное, мне не хотелось с ним расставаться, и я не решалась его съесть, до этого дня мне не приходилось есть варёные яйца, да и жареные тоже. И тут я увидела, что у завалинки собрались ребятишки с нашего двора. Они, оказывается, катали яйца с деревянного лотка с бортиками. Катали по очереди, пока одно из яиц не разбивалось. Тот, чьё яйцо разбилось, проигрывал, и его яйцо доставалось победителю. Мне не хотелось расставаться со своим яйцом, ведь я его даже не попробовала, но азарт и желание получить 2 яйца вместо одного взяли верх.

С замиранием сердца я подошла к лотку, ребята расступились и начали меня поддразнивать, особенно те, что проиграли. И я решилась. Яйцо покатило, следом за ним другое, послышался хруст треснувшего яйца, и я с ужасом осознала, что это МОЁ ЯЙЦО! Я проиграла. На ватных ногах я отошла от завалинки, ещё не до конца поверив, что у меня нет больше яйца, которое я ждала так долго. Голова моя кружилась, слёзы жгли глаза, в груди застрял ком, который не давал дышать. Домой пойти я не могла – бабушка всё сразу узнает и моей глупости не простит. Но как я раскаивалась в своём поступке! В тот день я получила прививку от всяких азартных игр, я не понимала как, но была уверена, что меня обманули. И это было настоящее горе. Хотя... поплакала в сторонке, да и успокоилась – не это теряли, и к яйцам я вообще не привыкла – их в нашем рационе просто не было. Зато на нашем столе всегда была квашеная капуста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.